

Колл. правда, 1985, 26 янв.

ОТ ПЕРВЫХ лет студенческой жизни Шукшина в Москве, кроме прочего, сохранялось и несколько писем, что посылал он в середине 50-х годов на Алтай матери — Марии Сергеевне Шукшиной. В одном из тех писем есть строки:

«Живу очень интересно, мама. Очень доволен своим положением. Спасибо тебе за все, родная моя. Успехи в учебе отличные. У нас не как в других институтах, — т. е. о результатах обучения известно сразу. Ну вот пока и все. Итак, мама, повторяю, что я всем решительно обеспечен. Недавно у нас на курсе был опрос, кто у кого родители... У всех почти писатели, артисты, ответственные работники и т. п. Доходит очередь до меня. Спрашивают: кто из родителей есть? Отвечаю: мать. — Образование у нее какое? — Два класса, отвечаю. Но понимает она у меня не менее министра.

Смеются. Ну, будь здорова, милая. Твой Василий».

Жизнь — простая и сложная, горячая «с нервом», со срывами. Единственной опорой парня, пришедшего в столицу в деловых галифе и гимнастерке, была мать. Когда встал перед Шукшиным вопрос: вернуться ли ему домой, к матери, помогать ей в нелегкой сельской жизни, или же самой Марии Сергеевне нужно будет одновременно помогать учиться сыну и дочери, материнский ответ сыну был таков: «Учись! Буду помогать». Позже, узнав о решении Василия учиться в столице, зашел к Марии Сергеевне первый секретарь Сростинского райкома партии Федор Иванович Доровских, хорошо знавший семью вдовы фронтовика и помогавший Василию устроиться на работу в Сростках после его армейской службы. Ф. И. Доровских спросил тогда у матери Шукшина: «Мария Сергеевна, а не боитесь вы, что у вас не хватит сил сразу учить сына и дочь?»

Василий Шукшин:

Если Василию не нравится учительство, мы могли бы подыскать ему другую работу. Вы бы поговорили с ним».

Мария Сергеевна сказала с присущей ей прямоотой: «Как-нибудь выдюжу. Пусть едет, там он больше пользы принесет, где долю-то ищет...»

Но то была уже вторая, удачная попытка. А первая была еще в 1946 году. Сестра его, Н. М. Шукшина, вспоминала: «В общем, бросил он техникум, вернулся домой, в Сростки, и говорит: «Мам, я в Москву поеду». В доме волнение: зачем? Для чего? У нас же там ни родных, ни знакомых. Да и время-то какое трудное — послевоенные годы!.. Как он мать уговорил, до сих пор не понимаю. А помому, и не уговаривал очень. Сама поняла, сердцем почувала: не удержат парня дома. Продала корову Райку, вручила три тысячи старыми деньгами и все отдала ему: «Езжай, сынок». И Василий уехал. Был во Владимире, Калуге, Москве, работал грузчиком, маларом, разнорабочим, слесарем. Голодал, бездомничал. Однажды ехали с ним (речь идет о 60-х годах. — А. К.) из Судака в Москву. На одной из подмосковных станций, название я забыла, Василий показывает в окно и говорит: «Видишь скамейку? Я спал на ней когда-то».

Ночами, когда шум в студенческом общежитии утихал, Василий брался за перо. Одним и тем же колючим перышком молодой Шукшин писал в те годы в небольшой студенческой комнатке и свой первый роман «Любавины», и письма матери — на Алтай. Из студенческих писем В. Шукшина: «Здравствуй, мама! Получил 200 рублей, посылочку (вторую) и письмо. Мама, так что это ты делаешь? Купила

«ПОСМОТРИ НА НАШУ МАМУ...»

пальто. Милая моя, ведь я бы с таким же успехом проходил в шинели осень и весну. Получаю посылочку, опять как маленький вагончик. Что же, думаю, она сюда умудрилась еще-то положить. Развертываю, а там новехонькое пальто. Вот тебе раз! Мама, ты где деньги-то берешь? Пальто мне как раз. Но я пока носить не буду. Вот дотаскаю шинель, а там уж... Деньги у меня есть. Числа до 15 октября денег хватит. Больше не покупай. И вообще, мама, больше ничего не покупай. Сегодня получил твое письмо с фотографией. Мама, ты как будто немного похудела. Милая моя, напиши честно — как живешь? Как питаешься? У меня в этом отношении все в порядке. Денег хватает через глаза. Насчет валенок. Да, мама, придется, наверное, выслать. Это верно ты говоришь: Москва-то Москвой, а зима зимой...»

Василий Шукшин унаследовал от матери этот самый редкий дар — тепло сердечное. А много позже стремление к гразднику души унаследовали и шукшинские герои. В последних своих работах В. М. Шукшин писал: «Мать — самое уважаемое, что ни есть в жизни, самое родное — вся состоит из жалости... Отними-ка у нее жалость, оставь ей высшее образование, умение воспитывать, уважение... Оставь ей все, а отними жалость... Отчего народ поднимается весь в гнев, когда на пороге враг? Оттого, что всем жалко всех матерей, детей, родную землю. Жалко! Можете не соглашаться, только и я знаю — и про святой долг, и про честь, и достоинство, и т. п. Но еще — в огромной мере — жалко».

...Вспоминая свою первую встречу с Марией Сергеевной Шукшиной. Было это в Сростках, неподалеку от шумного Чуйского тракта. Позже, в следующую осень 1978 года, мы вновь встретились в доме ее сестры — Авдотьи Сергеевны. Разговорились. Разговор зашел о детстве Василия Макаровича, о том, как тяжело пришлось ей, одинокой женщине, растить двоих детей. Из бесед с Марией Сергеевной Шукшиной:

«Складывали скирды и пешком домой шли, а уж поздно, везде иней, все застынет, но мы работаем. Вот почему и такие вот стали: обезюжили, сердце болезненное, руки и те не слушаются... Самое-то главное — на нас это все легко: и колхозы, и первые коммуны. А сейчас стог недомечен, а уж домой — часы у них вышли... Не дело это!»

Татья, сестра Васи, весь день сидела на улице — в избу боится идти, так я ей ботву картонную обомну и постелю — в летние-то дни ничего, а как холода начались, то не знала, куда и деваться с детьми, яслей не было у нас. Васю-то я с собой брала в поле, ему было пять лет в ту пору. Я ведь еще и почему стала брать его — боялась реки, кабы в Катунь-то не утонул. Ну, упростила бригадира нашего Ермолая Григорьевича: «Можно мне Васю брать с собой, пусть побудет возле меня». — да и обскакала все... Ведь положение мое какое было? Я работаю в поле и даже не слышу, о чем люди-то рядом говорят: одно у меня на уме: кабы с ребятами чего не случилось — ведь река-то какая! Ну, Ермолай Григорьевич и говорит мне: «Дак давно бы взяла ребятенка, чего ты? Бери, бери — пусть он здесь с парнишками играет». Так Вася и привык здесь с другими ребятами, что постарше его были, маленький,

а вертится тут же. Мы отскірдуемся, идем ночью домой, а дома еще свое хозяйство ждет, да еще ребенок, девчущка Талья.

Бригадир возьмет Васю, да на лошадь и посадит, а ножонки-то маленькие... У меня прямо сердце замирает: ой, упадет, ой, убьется ребенок... Я говорю: «Ой, Ермолай Григорьевич! Боюсь за ребеночка, ей-богу!» «Не бойся, — отвечает, — он привыкнет».

Когда в Сростках впервые была показана «Калина...», то земляки Шукшина долго обсуждали меж собой этот фильм.

«Когда я видела Васю на экране, каждый раз стремилась понять — не болел ли он за это время. Ведь у него в юности язва желудка была... А жаловаться Вася не любил. Всегда просил не беспокоиться, писал, что он здоров», — рассказывала Мария Сергеевна. Еще дел его по матери — Сергей Федорович Попов урел в своем внуке ум, наблюдательность и природный талант, предсказав ему большую судьбу.

В одну из наших встреч Мария Сергеевна рассказала и о той поре жизни ее и сына: «Корчевал Вася со мной пни... уставали очень, а он ребенок ведь совсем был. Несет лопатку, топор, лом, веревку — все тяжелое. — так вдвоем и шли. Отец у меня был плотник. Я ему и говорю: «Тятя, дай Васе топорик маленький». Подыскал он мальчонке топорик поменьше, а тот был рад, подрубает корешочки — тут ведь лес-то был непроходимый. А он маленький передохнет и снова. Гляжу, рубашонка-то на нем вся уж мокрая от пота... А после я спрошу: «Устал, сынок?» «Нет, нет, мама, жарко просто, нисколько не устал», — отвечал мне.

Читала как-то книгу его —

это после смерти Васи — да и наткнулась вот на слово то, где он пишет, что устает, как на раскорчевке пней. Я прямо день целый плакала сидела: «Господи, когда покажешься-то!..»

...У Марии Сергеевны сохранилось несколько десятков писем сына. В одном из последних он просил мать: «Мама, одна просьба: пока меня нет, не придумывайте ничего с домом, т. е. не продавайте. Приеду, мы подумаем, как быть. У меня в мыслях-то — в дальнейшем — больше дома жить, а дом мне этот нравится. Вот после этой большой картины (фильм о Разине. — А. К.) подумываю с кино связываться пореже, совсем редко, а лучше писать и жить дома. Не совсем, не подолгу, по году так... Тянуть эти три веза уже как-то не под силу становится. И вот мечтаю жить и работать с удовольствием на своей родине... Сплю и вижу, как мы с тобой вместе живем. Так что пока повременю с домом. Я понимаю, что трудно, родная моя, но вот приеду — придумаю, как облегчить положение...»

Приезжая к матери в Сростки, Василий Макарович почти все время проводил в этом доме. «Полдну Вася в горнице засиживался, — рассказывала Мария Сергеевна. — Уж светает на дворе, а он и не думал ложиться. Парни когда с танцев шли назад, то всегда к нам заходили, поговорить с Васей. А когда приехал делать в Сростках «Печки-лапочки», то днем на Бикете или еще где сымает кино, а ночами напротив сидел в избе, писал. И радовалась я, что так он работает, и жалела его — отдыхать себе никакого он не давал...»

Последние слова в полной мере относятся и к самой Марии Сергеевне. После войны

она работала в колхозе, в основном в поле. Дочь еще совсем ребенком была, Вася же помогал, чем мог, матери. И в поле работал, и воду возил на быках с Катунь поливая табачную плантацию, что находилась за дорогой напротив села. Такая работа валила с ног, едва хватало сил добираться до крыльца избы. «Приду, а мои лежат у крыльца, спят, и собака рядом с ними. Насилу перетаскаю их в избу», — вспоминала о том времени Мария Сергеевна.

Не случайно в последние годы своей жизни 45-летний Шукшин все чаще и чаще с какой-то душевной тоской и неотступной привязанностью говорил вслух о родных местах, где прошло его рано повзрослевшее детство.

Когда Василий родился, в июле 1929 года, отцу его было всего восемнадцать лет, а матери чуть побольше. Жизнь родителей сразу складывалась трудно — деревня переживала время коллективизации. Еще через два года родилась сестра Наталья. И буквально через несколько месяцев после этого семья лишилась отца-кормильца. Для Шукшиных наступили совсем тяжелые времена. Вдове помогали, как могли, родные сестры, помогал колхоз, а потом и отчим ее детей — Павел Николаевич Куксин. Однако сиротская доля не отступала от семьи Марии Сергеевны — грянувшая война отняла отчима у детей, мужа у нее... Один из жителей Сросток, хорошо знавший Марию Сергеевну, сказал о ней: «В тридцатые годы она потеряла мужа, оставшись с двумя малолетними детьми... Во время Великой Отечественной войны погиб ее второй муж. В конце пятидесятых умер ее зять — муж Натальи Макаровны, которая так же, как и

ее мать когда-то, осталась с двумя детьми. Потом эта неожиданная, нелепая и преждевременная смерть сына... Да! Не каждой женщине — жене и матери — выпадает такая доля. А ведь выжила, не согнулась, вытерпела. Наверное, она не из тех, кто «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». А, впрочем, кто знает? Пришлось бы, — остановила и вошла бы. Да и кто скажет, что легче: коня остановить или такое перенести...»

В одном из писем к сестре Наталье Василий Макарович писал: «Верю в народ. Посмотри на нашу маму... — это народ с большой буквы».

Один из друзей Шукшина вспоминал: «В подъезде я застаю Шукшина за чтением письма, только что вынутого им из почтового ящика. На лице Василия играет такая на редкость теплая, такая неожиданно мягкая улыбка, будто он глядит не на обычный листок бумаги, а смотрит в окно, выходящее в мир, полный волшебных видений. Я догадываюсь, что письмо из Сростков от его матери, которую он любит нежно, трепетно и самозабвенно. Василий не замечает моего присутствия. Дочитав письмо, он прикладывает его к лицу и долго стоит, вдыхая запах бумаги с материнскими строчками».

В январе 1979 года Мария Сергеевна Шукшина скончалась. Похоронили ее в зимний вьюжный день на сельском кладбище в Сростках, там, где завещал похоронить себя и сын ее, Василий Макарович...

...С вершины Бикета, у подножия которого раскинулись Сростки, видна вся долина с дальним дымчатым горизонтом горного края — вольного и зеленого. И кажется, что огромные всхолмленные доли алтайского предгорья — кучугуры, как называют их местные жители, внимают проникновенным словам своего земляка.

А. КАЗАКОВ.